

Половина хуже целого

Почему шесть лет топчемся на месте с продуктивностью молочного животноводства?

Где разумный баланс между зерноуборочными и кормоуборочными комбайнами?

Кто виноват в низких надоях: новые фермы или «старые» люди?

Приемлем ли огульный подход к структуре кукурузных полей и травяных лугов?

Чья некомпетентность губительнее: ветеринара, осеменатора или зоотехника?

По этим темам в «Спор-плуг» впряглись исполняющий обязанности генерального директора Белплемживобъединения Геннадий Гунев и генеральный директор НПЦ по животноводству НАН Николай Попков.

Попков: — По производству животноводческой продукции на душу населения за год Беларусь в мировых лидерах: 715 килограммов молока и 111 – мяса. (Франция – 389 и 102, Германия – 379 и 100, Нидерланды – 720 и 160, США – 286 и 133.) Но эффективность отрасли отстает от других стран. В США корова за год дает в среднем 9 тысяч

килограммов молока, у нас – в два раза меньше. Самое обидное, что продуктивность молочного животноводства остановилась: шесть лет примерно по 4,5 тысячи килограммов от коровы. Может быть, Геннадий Васильевич, племенная работа не на уровне?

Гунев: — Обижаете, Николай Андреевич. Генетический потенциал коров в среднем 8—9 тысяч килограммов молока за год. На шести племпредприятиях более тысячи быков, продуктивность их матерей выше 10 тысяч килограммов. Казалось бы, родившееся от них следующее поколение коров должно давать примерно такие же надои. Но генетический потенциал реализуется наполовину. Почему?

Попков: — Ничего удивительного нет. Заложенные селекцией качества у телочки нередко слабеют с первых дней появления на свет. Ее недокармливают, привесы ниже технологических, покрывается позже требуемого возраста низким весом. Ни будущая корова, ни ее потомство не дадут ожидаемой продуктивности.

Гунев: — Сдерживают развитие отрасли несколько факторов. Но главным считаю слабую кормовую базу. Рационы по энергии на уровне 8 мегаджоулей в килограмме сухого вещества. С таким показателем больше теперешнего надоя не получишь.

Попков: — Виновата не только энергия, но и малые объемы кормов. Четверть века назад, еще при Советском Союзе, когда техническая оснащенность была значительно слабее, в Беларуси заготавливали 11,8 миллиона тонн кормовых единиц при урожайности 34,5 центнера с гектара сельхозугодий. В последние два года валовое производство кормов на полмиллиона тонн меньше 1990 года, с гектара – на один процент больше. Отрасль стоит на месте. Не случайно теперь, как и тогда, постоянно слышим о нехватке фуража в хозяйствах и районах.

Гунев: — Это звучит парадоксально. Чтобы доить, как сейчас, 4,5 тысячи килограммов от коровы или на 10—20 процентов больше, достаточно давать только

травяные корма. Сегодня в рационах коров до четверти концентратов. Продуктивность должна быть значительно выше, но ее нет.

Попков: — Нестыковка только теоретическая. На практике все легко объяснимо. Можно получать 5 тысяч килограммов молока от коровы только на травяных кормах, но высокого качества. Для этого в килограмме сухого вещества должно быть 10,5 мегаджоуля энергии, а сырого протеина не ниже 16—18 процентов. Этого нет, поэтому и надои далеки от желаемых.

Гунев: — Качество кормов низкое из-за нарушения технологии закладки. Травы необходимо начинать убирать в стадии бутонизации, и завершать укос за две недели. На практике затягивается до месяца. Корм еще на корню теряет питательные свойства.

Попков: — Надо искать ответ на вопрос: почему косовица идет долго? Многие десятилетия приоритет отдается хлебу. Ресурсы преимущественно направляются на то, чтобы получить по тонне зерна на человека. Кормозаготовительная техника отходит на второй план. Считаю: зерноуборочных комбайнов можно закупать меньше, а увеличить поставки кормоуборочных. Зачастую комбайны «Гомсельмаша» слабее зарубежных по производительности, надежности и качеству кормов.

Гунев: — Позвольте не согласиться. Немецкие или голландские машины действительно хороши, но они значительно дороже белорусских и не каждому хозяйству по карману. Если бережно относиться к технике «Гомсельмаша», посадить за руль опытных механизаторов, они смогут заготовить кормов почти столько же и аналогичного качества, как импортными комбайнами. Главная в кормозаготовке не техническая сторона, а технологическая. Агрегатов хватает, важно, как они используются. Успех придет, если руководители и специалисты разработают четкую программу косовицы и потребуют ее выполнения в намеченные сроки.

Попков: — А я думаю так: если средним специалистам и механизаторам дать отличную технику, будет достаточно кормов нужного качества. Технологию и так все знают.

Гунев: — Но беда, что не выполняют. Остаюсь при своем мнении: надо учить людей технологии, а иной раз заставлять ее выполнять или наказывать за нарушения.

Попков: — Много разговоров о кукурузе. Не стоит противопоставлять ее травам. Необходимо и то и другое. Но если из кукурузы, как из трав, готовить некачественный корм, надоев не будет.

Гунев: — Даже хороший кукурузный силос, если его значительно больше сенажа, нарушит питательность корма, увеличит заболеваемость животных. В структуре объемистых кормов надо иметь оптимальное отношение кукурузы и трав. Желательно 1:1.

Попков: — Животным вредит не только лишняя кукуруза, но и концентраты. Лет пять назад их в рационе молочного скота было примерно 30 процентов. Новые молочные комплексы подняли цифру на 10 процентов. Это спровоцировало рост болезней пищеварительного тракта и конечностей.

Гунев: — Хозяйствам необходимо сокращать площади кукурузы и увеличивать под травы. Тогда решим две проблемы: сохраним здоровье скота и нарастим надои.

Попков: — Хочу предостеречь от огульного подхода. К каждому предприятию следует подходить индивидуально. Одним уменьшить посевы кукурузы, другим оставить на прежнем уровне, но нарастить урожайность трав или площади. Проблема и в том, что кукурузу сразу не заменишь. Нужно развивать систему травосеяния.

Гунев: — Когда я в советское время был руководителем хозяйства, каждое сельхозпредприятие обязывали держать не менее 50 гектаров семенных участков бобовых и злаковых трав.

Попков: — А сейчас многие семеноводство забросили. Хорошо, если есть деньги. Можно купить. А если нет? Чем засеивать участки под травы?

Гунев: — О кормах можно говорить бесконечно. Давайте затронем другие факторы. По науке 100 коров за год должны в среднем давать 90 телят. На практике получается лишь 75. Немало хозяйств, где цифра значительно меньше. От яловов большого молока не дождешься. В этом виноваты прежде всего ветеринары и осеменаторы.

Попков: — А зоотехников почему упускаете? Они должны правильным рационом улучшать, говоря научным языком, воспроизводительные функции коров. Надо выделять животным достаточно каротина, который положительно влияет на продолжение рода. В советское время иногда иронизировали над хвойными ветками. Но они как раз и давали необходимый каротин. Неплохо бы вспомнить хороший опыт. Анализы показывают: в крови многих коров не хватает 20—30 процентов этого вещества.

Гунев: — Неправильное кормление, осеменение, лечение ведет к большой выбраковке животных. Беда в том, что она доходит до трети фермы.

Попков: — Готов поспорить: это не беда. Нормально выбраковывать 25—30 процентов стада. Только по какому фактору? Если зоотехническому — даже хорошо. Выводятся низкопродуктивные коровы, приходят высокоудойные. Если причины хозяйственные, связанные с заболеваниями, — действительно беда. На мясокомбинат нередко идут животные с надоями выше средних. А дающие мало молока, но здоровые — остаются. Хотя при правильной технологии кормления, ухода и лечения в первую очередь следует избавляться от низкоудойных. Но ради сохранения поголовья их держат — надой не растут. Считаю: не надо гнаться за поголовьем. Пусть каждое хозяйство действует по своим возможностям исходя из кормовой базы.

Гунев: — Но произвола также нельзя допустить. Есть сельхозпредприятия с низкой плотностью скота. Ничего страшного нет, если районные власти будут требовать ее нарастить, учитывая кормовую базу.

Попков: — Надо в масштабах страны провести мониторинг стада. В хозяйствах есть немало коров, которые не телились по несколько лет. Надой мизерный. Необходимо от них решительно избавляться и заменять хотя бы средними по продуктивности.

Гунев: — Думаю, улучшить ситуацию в животноводстве может трансплантация эмбрионов высокопродуктивных коров. Она уже действует, но масштабы пока невелики.

Попков: — Трансплантация — это хорошо. Но в мире на первый план выходит геномная оценка и селекция животных. Она позволяет уже в трехмесячном возрасте определить ценность телочки и бычка, смогут ли они дать высокую продуктивность. Это в разы ускоряет селекционный процесс.

Гунев: — За последние годы построено много современных молочно-товарных комплексов. Половина молока производится по промышленной технологии. Но новые фермы не оправдывают надежд. Надой на уровне средних по стране, хотя условия позволяют получать значительно большие. Надо ли было тратить огромные деньги? Дешевле держать скот в старых зданиях.

Попков: — Виноваты не фермы, а люди. В ряде случаев они перенесли на новые комплексы старую, «хлевную» технологию, а новую пока не освоили. Там, где в умах прошел переворот, есть результат. Остальным надо учиться. Но я оптимист. Не все одинаково осваивают новые технологии. У одних получается быстро, другим нужно время. Однако обратной дороги нет, фермы будут дальше строиться и модернизироваться, чтобы в будущем полностью перейти на промышленное получение молока в доильных залах и беспривязное содержание. Интенсификация труда, уменьшение людей на селе требуют такого подхода.

Василий Гедройц